

AYANA GRAY

BEASTS
of
RUIN

АЯНА ГРЕЙ

ХИЩНЫЕ
ТВАРИ

НАВСТРЕЧУ
ГИБЕЛИ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г79

Ayana Gray
BEASTS OF RUIN

Text copyright © 2022 by Ayana Gray
All rights reserved including the right of reproduction in whole
or in part in any form.
This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons,
an imprint of Penguin Young Readers Group, a division
of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *М. Кармановой*
Художественное оформление *Я. Клыга*

Грей, Аяна.

Г79 Хищные твари. Навстречу гибели / Аяна Грей ; [перевод с английского М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-197724-5

Чудовища, которое угрожало городу, больше нет. Но жители Лкоссы никогда не узнают правду о том, что его вообще никогда не было. Только девушка, превращенная в монстра.

Коффи спасла свой город и тех, кто ей дорог. Но цена оказалась слишком высока. Теперь она прислуживает богу смерти, собирающемуся захватить мир. Коффи знает, что ее единственный шанс спасти близких – это сбежать. Но как это сделать, когда никому доверять?

Экон никогда больше не сможет вернуться к Сынам Шести. Ему придется выживать в одиночку и искать помощи среди самых неожиданных союзников.

Коффи и Экону предстоит рискнуть всем, чтобы изменить судьбу и снова найти друг друга.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-197724-5

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Дедушке Астону — в тишине я по-прежнему слышу,
как ты играешь на трубе.*

ПЯТЬ ВЕТВЕЙ ДАРАДЖ:

ВЕТВЬ МВИЛИ • Ветвь Тела

ВЕТВЬ АКИЛИ • Ветвь Ума

ВЕТВЬ МАИША • Ветвь Жизни

ВЕТВЬ КУПАМБАНА • Ветвь Боя

ВЕТВЬ УФУНДИ • Ветвь Ремесла

ЧАСТЬ 1

**МОЛЧАЛИВЫЙ
МУРАВЕЙ
ЖИВЕТ ДОЛЬШЕ,
ЧЕМ
СМЕШЛИВАЯ
ГИЕНА**

НЕСКАЗАННОЕ ВСЛУХ

БИНТИ

В хрупкие часы перед закатом город во власти монстров.

Сбивчивый ритм пульсирует в груди, как барабан, обтянутый козлиной кожей, когда я касаюсь кинжала в ножнах на боку. Это скромное оружие — маленькое и грубо сделанное, — но я нахожу утешение в его весе и в форме его резной деревянной рукояти. Облака над головой черно-синие, как следы ушибов, набухшие дождем и злобой. В раскатах грома я слышу их недовольство. Облака знают, что я замышляю.

Они смотрят на меня, и я уже обречена.

Грязь липнет к сандалиям, так что мне хочется сбросить их и двинуться дальше босиком, но я сопротивляюсь этому искушению. Это моя единственная обувь, и добывать новую — роскошь, которую я не могу себе позволить. Каждый шаг отягощен неуверенностью, и я задумываюсь, не повернуть ли назад сейчас, до того как меня поймают и накажут, но время в столь поздний час — алчное создание, оно пожирает мысли и не оставляет места для сомнений. Я ускоряю шаг.

Нужно двигаться дальше.

Глинобитные постройки наступают с обеих сторон, грозя удушить запахами гниющего мяса, ферментированных фруктов и бычьего навоза. По мере того как я углубляюсь

в нутро района Чафу, мне попадает все больше заброшенных домов. Готова поклясться, что их незастекленные окна следят за мной, как пустые отрешенные глаза, вместе с облаками наблюдая за моим продвижением. За ними поднимаются мягкие пики вечнозеленых сосен, которые выше самых высоких городских зданий. Они напоминают мне о том, что совсем рядом печально известные Великие джунгли и их легенды, но я не могу об этом задумываться — не сейчас.

Я обхожу блохастую кошку, пересекая один из тускло освещенных перекрестков, и чувствую, что на что-то наступила: смятый кусок пергамента, исписанный лазурными чернилами. Такой цвет используется только для документов, которые создаются в городском храме — храме, в котором *моему* народу молиться не дозволено. Какой-то инстинкт велит мне не читать то, что там написано, но я все равно подбираю пергамент и неуверенно разглаживаю скрученные уголки. Кое-где он испачкан грязью, но рисунок посередине все равно отчетливо различим.

На меня смотрит маленькая девочка, которой с одинаковой вероятностью может быть и восемь, и двенадцать, точно не сказать. На грубом, нарисованном синими линиями наброске ее глаза выглядят темными и настороженными, лицо исхудавшее. Над портретом различимо одно написанное жирным слово: **ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ**. Под ним — еще несколько смазанных фраз, написанных торопливо и неровно.

ЖЕНЩИНА-ДАРАДЖА

ВНЕШНОСТЬ: черные волосы, коричневые или черные глаза

ВОЗРАСТ: неизвестен

РОСТ: около 150 сантиметров

ВЕС: около 25 килограммов

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РОЗЫСКА: противоправная деятельность

ПРИМЕЧАНИЯ: награда в 500 шаба тому, кто приведет ее живой

Взгляд тут же притягивают слова *противоправная деятельность*, и внизу живота начинают скапливаться новые эмоции. Их гул становится все сильнее, я позволяю пергаменту выскользнуть из пальцев и упасть на землю. Я заставляю себя назвать каждое чувство, хватая их, как разлетающиеся одуванчики. Первой наружу просачивается тревога, за ней следует страх, сожаление и, наконец, вина. Я прикусываю щеку изнутри так сильно, что ощущаю медный привкус крови.

Чувство вины — еще одна роскошь, которую я не могу себе позволить.

Я снова тянусь к кинжалу и вожу подушечкой большого пальца по его рукояти, пока не успокаиваюсь.

«Ты должна это сделать, — говорит воображаемый голос в голове. Он похож на мой, но более убедителен. — Соверши это последнее дело, и ты наконец будешь свободна. Ты будешь в безопасности. Она будет в безопасности».

В безопасности. Я прячу это слово в ножны, как второе оружие, расправляю плечи и шагаю дальше во тьму.

Когда я подхожу к окраинам Лкоссы, холод пробирает до костей. С севера деревья Великих джунглей образуют естественный барьер, который не пропускает ветра в сезон дождей. Но здесь, на западной границе города, лишь поля лемонграсса по пояс; они совершенно не задерживают холодный ветер, который яростно хлещет по щекам. Каждый вдох обжигает ноздри, с каждым шагом пальцы немеют. Я сильнее натягиваю на голову капюшон потрепанного коричневого плаща. Наверху раздается гром, и я говорю себе, что надвигающийся дождь — *настоящая* причина, которая заставляет меня прикрыть голову, — дело не в страхе или нежелании быть замеченной.

Извилистая тропа приводит меня к заброшенной лавке, которая стоит чуть поодаль от других. Деревянные пластин-

чатые ставни, покосившись, свисают с окон, а скромный фасад за десятилетия изуродовали граффити, но это мало что для меня значит. Эта лавка сегодня имеет лишь одно значение: она станет моим убежищем.

Я вскрываю главную дверь, вхожу, смахивая с лица шелковые паутинки, и тут же приседаю под подоконником. Позиция выгодная — отсюда видна вся тропа, но идущий по ней не заметит меня. Я снова бросаю взгляд на небо. Облака по-прежнему висят низко, но за ними я различаю едва заметные признаки того, что исчерченное черными полосами небо Лкоссы меняет цвет. Закат уже близок, и мое время истекает. Напряженные мышцы болят, секунда проходит за секундой, и каждая как маленькая вечность; я надеюсь, что, может быть, все-таки переоценила ее. Может, после всего она не ответит на мои призывы.

Внезапное движение на другом конце пограничной тропы заставляет меня застыть.

Мое дыхание ускоряется, когда облака расходятся и поток бледного мерцающего звездного цвета рассекает темноту, как клинок. Он подсвечивает скрюченный силуэт пожилой женщины, уверенно шагающей вперед босиком. Ее когда-то белая туника, теперь перепачканная и изорванная, болтается на теле, как наряд пугала. Орехово-коричневая кожа туго обтягивает череп, так что ее изможденное лицо пугающе напоминает живой труп. Курчавые, цвета соли с перцем волосы коротко подстрижены и ужасно лоснятся, словно их давно не расчесывали и не мыли. Она проводит языком по губам, смотрит налево и направо, выискивая кого-то. Видя ее, я не могу сдержать дрожь. Я знаю, кто она, и знаю, как некоторые люди ее называют. Я смотрю в окно, и моя рука скользит к кинжалу в третий и последний раз. Клинок глухо скрежещет, когда я вытаскиваю его из ножен. Я считаю шаркающие шаги женщины, наблюдая и выжидая. А потом:

— Если собираешься убить меня, лучше поспеши. Не собираюсь торчать тут всю ночь.

Я застываю, когда женщина бросает взгляд на окно лавки, в которой я прячусь. Пригибаюсь — слишком поздно.

— Выходи, — хрипло говорит она. — *Сейчас же.*

Разрази меня гром.

Проходит несколько неприятных секунд, а потом я нерешительно выхожу из магазина. Когда старуха видит меня, она словно не верит своим глазам.

— Бинти?

Я поеживаюсь. Уже много лет я не откликаюсь на свое старое имя, но даже сейчас, когда слышу, как его произносят, это бередит рану. Слезающиеся глаза женщины расширяются, и я вижу, как на ее лице сменяются эмоции — узнавание, растерянность, а затем радость. И радость злит меня больше всего. Я научилась не доверять Кобре в таких вещах, как радость, и по опыту знаю, что ее радость редко сулит что-то хорошее для меня. Она движется вперед, и я отступаю на шаг. Это, похоже, оскорбляет ее, но я игнорирую ее полный страдания нетерпеливый взгляд. Открытое пространство между нами — необходимая предосторожность, место для того, что не высказано вслух. Кобра прищурившись смотрит на меня.

— Не понимаю, — говорит она. — Мальчишка-посыльный сказал прийти сюда. Это *ты* его послала?

— Да.

Глаза Кобры опускаются с моего лица к кинжалу, который я по-прежнему сжимаю в руке. Она не выглядит испуганной или расстроенной — лишь разочарованной. Почему-то это еще хуже.

— Итак, — с ноткой покорности в голосе произносит она, — *для этого* ты меня призвала — чтобы убить? Признаю, я немного удивлена.

— Ты не оставила мне выбора.

Я сжимаю кинжал еще крепче, резная рукоять впивается в ладонь.

— Я же сказала: оставь нас в покое.

— Так я и сделала.